

Глава 6: Это место ограбления

Ши Цюси крепко спал, но тому самому холодному человеку в данный момент спать не хотелось.

Волосы Чи Ваня растрепались, хотя он только ненадолго задержался во дворе с Ши Цюси. Невысохшие капли воды превратились в крохотные жемчужинки, напоминающие хоккейные шайбы.

Кажется, он вновь кого-то оскорбил... Чи Ван прислонился к стене, мозг призывал пойти и высушить волосы прямо сейчас, однако его обессиленное тело не могло пошевелиться.

Только что он думал, как объяснить ситуацию с дедушкой, но вместо этого недоброжелательно ответил.

Внезапно из желудка поднялась кислая жидкость, и Чи Ван в смущении побежал в ванную, но не смог дотерпеть и вырвал в цветочный горшок в коридоре по пути. Он ничего не ел, когда проснулся, и его рвало лишь водой более чем десять минут.

Мышцы на лице бессистемно сокращались, а ощущение приближающейся смерти от учащенного сердцебиения заставляло лечь прямо на землю, пытаясь хоть немного облегчить состояние. Это наиболее распространенный физический симптом тревожного расстройства.

Тревожное расстройство Чи Ваня проявилось еще в средних классах. В то время у него была лишь слабая бессонница и анорексия. Он думал, что симптомы вызваны беспокойством по поводу вступительных экзаменов и стрессом.

Потом ситуация становилась все хуже и хуже. Несколько раз Чи Ван сидел за столом по четыре-пять часов, ладони потели так сильно, что смачивали бумагу, но он не мог написать ни единого слова, даже знака препинания.

Изначально он думал, что после поступления в старшую школу придет в норму, но реальность оказалась не такой, как ожидал Чи Ван. Особенно пережитое в старшей школе и университете усугубило болезнь...

Чи Ван крепко сжал дрожащие пальцы, прикрыл глаза и заставил себя не думать о болезненном опыте прошлого. Он едва открыл глаза, все вокруг кружилось, словно в калейдоскопе, кислота в желудке намеревалась вот-вот выйти наружу.

Чувство удушья сковывало его. На нем надет лишь тонкий свитер, тапочки улетели в угол из-за судорожных движений. Пальцы ног уже покраснели, тело было лишено и капли тепла. Если он не возьмет себя в руки, заболеет из-за холода.

Услышав собачий лай за пределами дома, Чи Ван необъяснимым образом вспомнил золотистого ретривера из его детства. Окрас пса напоминал самый яркий солнечный свет днем. Лежа на нем, он слышал храп и чиханье, чувствовал запах, не ароматный и не вонючий. Уникальный собачий запах...

Дыхание Чи Ваня постепенно нормализовалось. Он чувствовал, как большой камень, давивший на грудь, вдруг исчез, и ощущение смерти рассеялось. Невидимая шелковая нить, связывающая его тела и не дававшая двигаться, была отрезана. Он открыл глаза и увидел обычное небо.

Он медленно сел, подождал, пока онемение в руках и ногах не исчезнет, прежде чем, пошатываясь и опираясь на стену, вернулся в комнату.

У Чи Ваня не осталось сил приводить себя в порядок, он просто зарылся в фuton, сильно изнеможенный, желающий спать. Закрыв глаза, надеясь увидеть прекрасный сон и не проснуться ночью.

— Чих, чих, чих..... — Ши Цюси чихнул три раза подряд, и от последнего бокалы на столе задрожали. Звук дребезжащего стекла пробудил его от кошмара.

Какой ужас, Ши Цюси приснилось, что он вернулся в компанию и работает сверхурочно!

От сверхурочной работы без доплаты волосы на затылке вставали дыбом. И еще менеджер из отдела кадров, этот придурок, спустил на него собаку. Ши Цюси бежал так, что пятки сверкали. Ему наконец удалось найти комнату и спрятаться, он открыл дверь и увидел каменное лицо внука дедушки Чи. Тот бесстрастно потребовал ему немедленно убираться...

Выйти? Да пошел ты нахуй! Веришь или нет, я одним ударом ноги с разворота вас с этой шавкой так приложу, что от вас ключья останутся! Ши Цюси собирался исполнить уникальный трюк во сне, когда трижды чихнул и дюжина бокалы упали, и проснулся.

В доме работает отопление, тогда почему здесь так холодно? Сопли, вызванные холодом, вот-вот собирались выйти. Он посмотрел на окно, непонятно когда открывшееся, в которое врывался прохладный ветер. К счастью, он проснулся посреди ночи. Иначе на следующее утро Ши Цюси, вероятно, замерз, как старая черствая редиска в земле.

Ши Цюси встал, но не успел ступить левой ногой, как поскользнулся и рухнул на пол.

— А?!! — Ши Цюси попытался встать, подпирая лицо ладонями, но за пять минут упорной борьбы умудрился лишь разбить себе правую щеку.

— Что, черт возьми, это такое, я замерз до состояния церебрального паралича? — Ши Цюси шокировано смотрел на свои руки и ноги, которые его не слушались. Чем сильнее старался,

тем печальнее был результат. Если продолжить так падать, можно себя изуродовать.

Это конец, должно быть, с ним что-то не так, он же не умрет молодым, верно? Ши Цюси забыл, что выпил полбокала Маотая, и думал только, что простудился от долгого пребывания на холодном ветру.

Телефон предположительно лежал на столе. Ши Цюси с трудом разлепил слипающиеся веки, дрожащей рукой потянулся и, и измазав ее в соевой пасте, наконец нащупал свой мобильник.

— Я достану твоего троюродного деда двоюродной бабушки твоей двоюродной бабушки по материнской линии, почему ты не работаешь в самый ответственный момент?! — Ши Цюси с ненавистью смотрел на экран нереагирующего телефона. Он не пользовался им с момента возвращения домой и последний раз, казалось, заряжал его два дня назад...

Десять минут спустя Ши Цюси смирился с фактом, что телефон разрядился, но холодный ветер все еще задувал в окно. Не знаю, какая собака лает снаружи, но чем дольше он ее слушал, тем сильнее боялся.

Ши Цюси вздрогнул, вспомнив свой недавний сон, и по-новому посмотрел на нынешнюю ситуацию.

Точно, сон, я только что видел сон и, похоже, еще не проснулся. Если найду кровать и посплю, наверняка смогу проснуться.

Поскольку его ноги и руки все еще «сдавались в аренду», Ши Цюси не мог встать.

Но это неважно. Не можешь встать — тогда просто ползи. Расстояние от кухни до спальни насчитывало всего несколько шагов. Поползает, заодно и пол помоеет.

В грязно-серых штанах и с холодными капельками пота на лбу Ши Цюси наконец добрался до спальни. Кровать стояла прямо перед ним, и, к счастью, основание не было высоким. Он забросил правую руку и вытянул левую ногу, успешно забравшись на кровать.

Наконец добравшись до теплого одеяла, Ши Цюси завернулся в него, словно окунувшись в соевый соус, закрыл глаза и тут же захрапел. Сейчас, даже если в дверь бросят гранату, он не проснется.

— Ахахаха, ты потрясающий, Ши Цюси, почему ты не убрал за собой... — После двенадцати часов глубокого сна его голова прояснилась.

Он смотрел на одеяло с большими отпечатками рук от соуса и грязи, коснулся все еще распухшей правой щеки и не удержался от злорадной улыбки.

Кто сказал, что Мяотай плохой? Наоборот, просто невероятен! Полбокала выпил — и разнес дом, восхитительно, не так ли? Ши Цюси снял пододеяльник и простынь, будто смирился с собственной судьбой, и бросил в стиральную машину, чтобы постирать.

Ситуация на кухне еще хуже: еда разбросана по всему столу, а на полу, помимо осколков стекла, лежал злополучный телефон. Типичный вид с места ограбления.

Позавчера он чуть не стал жертвой в спальне, а сегодня самолично превратил кухню в место ограбления. Ши Цюси чувствовал, что более десяти лет назад совершил ошибку, выбрав профессией менеджера по планированию. Как режиссер саспенс-фильмов, он бы много заработал. В конце концов, такое развитие сюжета не пришло бы в голову обычному обывателю.

Ши Цюси не сдержал вздоха. С недовольной гримасой, он закончил убираться на кухне и запрятал в дальний угол шкафа открытую бутылку Маотая. Алкоголь вреден.

С синяками на лице ему не хватило духу выйти на улицу. Если он в таком виде встретится с тетей Ван, не сможет объясниться. У него болело все тело, особенно голова, будто после избиения. Ши Цюси затаился дома на три-четыре дня, избегая приглашений тети Ван пообедать под разными предлогами. Только когда почти полностью восстановился, он взял две банки сухого молока для стариков и пошел на обед.

— Занятой человек, мы звали тебя столько раз, и ты только сейчас соизволил прийти и посмотреть на нас. Бессердечный негодяй! — Как обычно, тетя Ван добродушно поприветствовала его, когда он подошел к двери. Ши Цюси знал, что виноват, и не смел много говорить, лишь отшучивался, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Тетя Ван приготовила тушеную свинину и курицу с тмином, которая больше всего нравилась дяде Ли. Мужчина предложил ему немного выпить, но как он смеет? Он не мог дожидаться, когда дядя Ли тоже бросит пить.

— Верно, тебе следует пить поменьше. Чем больше пьешь, тем менее работоспособным становится мозг, совсем как у твоего дяди, — тетя Ван, используя слова Ши Цюси, нацелилась на него, тогда как дядя Ли грыз курицу больше десяти минут и не решался прикоснуться к другим блюдам.

Видя, как тот страдает, Ши Цюси больше не мог оставаться в стороне и поспешно сменил тему.

— Тетя, ты знала, что дедушка Чи умер? Его внук вернулся, и я даже видел его!

Тетя Ван действительно забыла об алкоголе, услышав об этом. Она вдруг стала энергичнее, когда дело дошло до сплетен.

— Знаю, уже как год. Тогда ты был занят на работе, и я не осмелилась позвонить тебе и сообщить, а потом из головы вылетело. Дядя Чи — хороший человек, да. В молодости был таким красавчиком. Я тогда была юна, но уже знала, что он красив. Он твоего дядю затмевал своей красотой...

Дядя Ли опустил голову и кашлянул, тетя Ван оперлась на руку, больше ничего не говоря. Ши Цюси, сдерживая улыбку, предложил ей продолжить.

— Не торопи, я уже язык стерла от разговоров, — тетя сделала глоток супа с квашеной капустой, а затем продолжила. — Дядя Чи в то время считался образованным в нашей то деревне. Слышала, что он переехал в Шанхай. Даже представить не могу, скольким девушкам он нравился. Деревенский староста хотел познакомить его с кем-то, но выяснилось, что он уже женат.

— В 77-м году вернули вступительные экзамены в университет, дядя Чи вновь поступил в Шанхай, но каждый год возвращался, чтобы проведать. После того, как я родила Чжуцзы, дядя Чи вышел на пенсию. Только наступала осень, и он возвращался сюда, а весной следующего года уезжал.

— Он вас, детей, очень любил. Ты ведь в детстве от него много конфет получил, да? Еще помнишь? — Тетя Ван сжала ладонь Ши Цюси, и он кивнул. Конечно, помнит, иначе ему бы и в голову не пришло прийти и повидаться с дедушкой Чи.

— Помни, дядя Чи не хотел причинить тебе боль. Увы, иногда хорошие люди не получают должной награды. Позже у него обнаружили рак, больница не отпускала его. Он говорил, что пройдет курс химиотерапии, но это не помогло. Он звонил людям из деревни и говорил, что хотел бы вернуться. Но ему так и не удалось.

Тетя Ван невольно вздохнула. Никто не может изменить жизнь, старость, болезнь и смерть. Это судьба.

Ши Цюси подумал о том, как и его собственный дедушка умер от рака. Когда он уходил, ничем не отличался от скелета. Просто невыносимо думать, сколько боли перенос его дед прежде, чем уйти. И последнее желание старика так и не сбылось. Печально.

Заметив выражение лица Ши Цюси, она поняла, что, должно быть, напомнила ему о дедушке.

Ой, язык мой враг, взболтнула лишнее. Дядя подмигнул ей, намекая скорее сказать что-нибудь и смыть печаль этого ребенка.

Что сказать, что сказать... Тетя Ван вся вспотела. Точно, внук, старший внук дедушки Чи вернулся.

— Говоришь, познакомился с внуком дедушки Чи? — Тетя похлопала по тыльной стороне ладони и добавила в его тарелку дополнительные свиные ребрышки.

— Да, я заметил кого-то в доме дедушки и подумал, что он вернулся. Не так я планировал, хотел взять что-нибудь и навестить его, старика, а вместо этого услышал от его внука, что он уже умер... — Ши Цюси пришел в себя и кивнул.

При упоминании об этом Ши Цюси не мог не злиться. Если бы не этот «злой дух», он бы ни за что не стал пить, заглушая тоску, и не страдал бы от этих мук.

— Этот парень, как бы сказать, немного странный. Нечасто выходит из дома, в основном прогуливается ночью, когда никого нет. В такой темени гулять просто смешотворно.

— Этот ребенок ведет себя вежливо, когда встречается с людьми, знает, что нужно здороваться. Иногда, когда пытаешься с ним заговорить, выглядит незаинтересованно, но не безразлично, — тетя думал о внуке дедушки Чи, с озадаченным видом.

— Хм, может быть, он псих, — Ши Цюси оставался бесстрастным. Чем больше слушал, тем больше думал, что этот парень ненормальный. Какой хороший человек так разговаривает!

Тетя Ван энергично похлопала мужчину по спине, вытаращив глаза.

— Мальчишка, чего ты говоришь? В любом случае, он внук дедушки Чи. Как можно так о нем отзываться? Нет ничего плохого в нежелании разговаривать, просто ребенком он видел меньше людей и не занимался спортом...

— Эй, раз уж ты с ним знаком, отнеси ему тушеную говядину. Смотрю на него — он же такой худой, даже до половины столба не дотягивает, нужно есть больше мяса, чтобы компенсировать это!

— О чем ты, я знаком с ним?! В каком месте! — Ши Цюси весь затрясся, даже руки подрагивали. Он указал пальцем на свое лицо и говорил пронзающим высоты голосом, похожим на писк Микки-Мауса.

Тете Ван было все равно. Она упаковала говядину, подхватила Ши Цюси и вытолкнула того за дверь.

— Ну, ты уже наелся, походи и отдай ему, заодно прогуляешься!

Не успел Ши Цюси среагировать, как дверь закрылась. В руках у него был пакет с тушеной говядиной.

Просто выгнали вот так? Еще и отправили доставлять еду этому психу? Я не пойду, кто пойдет, тот ублюдок!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14933/1340514>